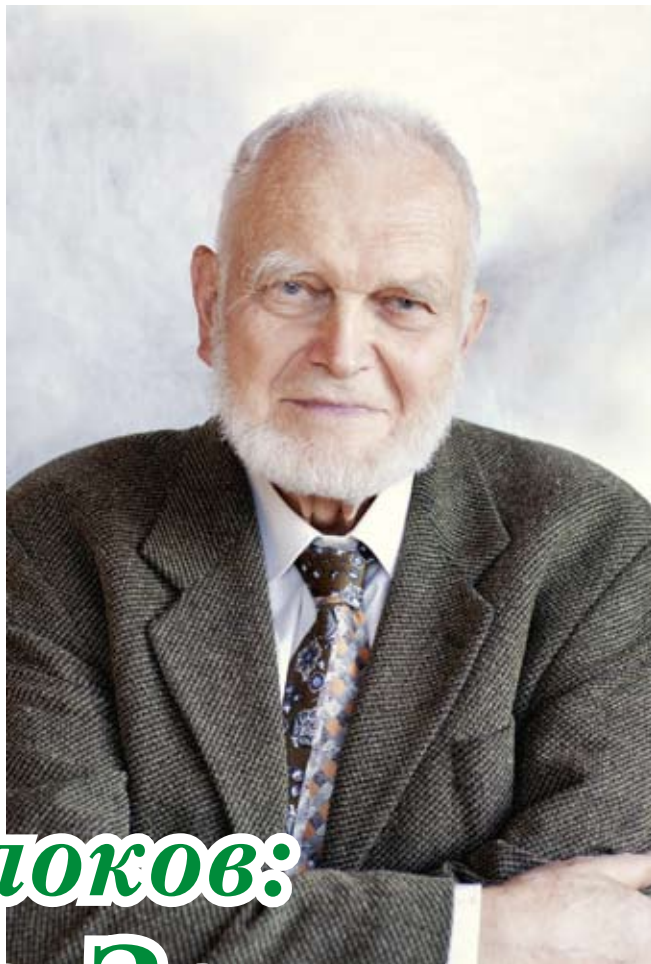

В 2015 году в России вступили в силу изменения в природоохранном законодательстве, призванные заставить предприятия относиться к охране окружающей среды более внимательно, вынудить их перейти на новые технологии, что позволит через несколько лет существенно снизить объемы выбросов. Но достаточны ли принимаемые меры? И когда наши политики станут мыслить экологически? На вопросы «НГ» ответил профессор Алексей Яблоков – выдающийся российский биолог, эколог, эволюционист, член-корреспондент РАН, председатель фракции «Зелёная Россия» партии «Яблоко».

Алексей Яблоков: «Биосфера Земли трещит по швам»

– Печально, но политики выбираются голосами обывателей и принимают экологические опасные решения в угоду обывателю, – говорит Алексей Владимирович. – Единственный выход – всемерное распространение экологического сознания, которое должно вести людей к тому, чтобы действовать сознательно, не портить окружающую среду, а встроиться в эту замечательную систему, которая называется биосферой. Но большинство не думает об экологии – науке о нашем с вами общем доме. Увы, пока подавляющее большинство землян не осознало, что наш общий дом – это вся планета.

– Алексей Владимирович, между экологической политикой в трактовке власти и реальным состоянием дел в экологии – пропасть, которая только расширяется. Как остановить этот процесс и перейти от слов к делу?

– К сожалению, деэкологизация государства и общества при-

шла сверху – это часть идеологии власти: максимально быстрое использование природных ресурсов для получения прибыли и устранение всех препятствий на пути такого использования, в том числе ослабление экологических законов, норм и правил, приспособление их к бизнесу (законы, не исходя из интересов всего общества, а исходя из краткосрочных интересов бизнеса). В современной ситуации «перейти от слов к делу» можно только на уровне «малых дел» – например, добровольческой борьбы с лесными пожарами и организацией раздельного сбора мусора, посадкой деревьев в городах и так далее. Надо также понимать, что взгляд эколога охватывает период времени в 30-40 лет. Масштаб взгляда экономиста – десять лет (при норме прибыли 10% в год). А вот политики думают от выборов до выборов – это 4-6 лет. Разница в этих масштабах и определяет конфликт точек зрения. Политику очень трудно согласиться

с аргументами эколога, что, мол, через 20 лет будет плохо, поскольку он думает о том, как ему понравится избирателям через несколько лет. Как решить это противоречие? Люди, общество должны согласиться с разумными ограничениями. Конечно, люди должны иметь возможность правильно питаться, жить хорошо, но где-то должны быть границы! Общество потребления должно понять, что развитие не безгранично. Нужно ли нам 150 сортов пива или 500 марок автомобилей? Общество должно поставить себе границы, имея в виду, что последствия их производства и применения угрожают всему развитию человечества. При таком общественном сознании и политики смогут смотреть на несколько избирательных сроков вперед.

– Наши экологические программы финансируются по остаточному принципу. Возможна ли вообще экологически ориентированная политика государства

в условиях постоянной нехватки финансов и технологического отставания?

– Экологическая политика всегда возможна и зависит она во все не от достаточности ресурсов, а от настроя власти – экологического или антиэкологического.

– В промышленно развитых странах идеалы общества потребления прекрасно уживаются с экологическим сознанием. Рано или поздно к этому придет и Россия. С чего начать перестройку экологического сознания?

– Перестройку сознания на экологический лад надо начинать со смены антиэкологической власти – поскольку она тысячекратно показала, что не собирается отказываться от своей антиэкологической идеологии, нацеленной в первую очередь на поддержку интересов бизнеса.

– Даст ли эффект ужесточение в России природоохранных норм и правил?

– Одно только ужесточение, даже если забыть о том, что в реальности все изменения делаются в интересах бизнеса, мало что даст, поскольку проблема не только в нормах и правилах, а в их применении. Если прокуратура и контрольные органы не обращают внимания на экологические правонарушения, суды принимают противоправные антиэкологические решения – никакие нормы и правила, даже самые жесткие, не помогут исправить положение.

– Не секрет, что среди «зеленых» нет единства: среди них есть и «бледно-зеленые», и «насыщенно-зеленые». Каким должен быть идеальный «зеленый»?

– Не может быть «идеального» зеленого политика или активиста, поскольку люди все разные и с разными интересами. Пожалуй, есть три наиболее общих правила поведения нормального зеленого, экологического активиста, или, как иногда говорят, экологиста: не молчать, не врать, не допускать, чтобы тебя купили.

– Наш Липецк – экологически неблагополучный город. Тем не менее чиновники от экологии бодро рапортуют, что Воронеж грязнее металлургического Липецка. У соседей, мол, индекс загрязнения атмосферы (ИЗА) составляет 10,5 единиц, а в Липецке – 8,5.

«Самостоянье человека – залог величия его...»

С Алексеем Владимировичем Яблоковым судьба меня свела четверть века назад. В 1990 году я был избран народным депутатом России по Новолипецкому избирательному округу и работал заместителем Председателя комитета по вопросам экологии в Верховном Совете РСФСР. Наши должности в двух парламентах, Союзном и Российском, совпадали, и вполне естественно, что мы познакомились и над многими экологическими проблемами стали работать вместе. Первое мое впечатление от нашего знакомства было поразительным. Когда я вошел в большой кабинет Яблокова, то увидел развешенные на натянутых лесках листки бумаг, которые уже не помещались на рабочем столе. Что это были за документы – часть научных материалов, проекты законов, экологическая информация – я тогда не узнал. Но это стиль Алексея Владимировича – переключаться от научных вопросов к государственным. Начиная с 1993 года мы стали работать вместе в Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по экологической безопасности – он возглавлял эту большую комиссию, я стал государственным советником РФ в аппарате Совета Безопасности и секретарем комиссии. И тут уже, в процессе общей работы, я убедился в одной черте Алексея Владимировича – в необыкновенной трудоспособности, в умении анализировать, искать суть и смысл решения различных проблем, четко формулировать как постановку задач, так и пути их решения. Признаюсь, что мне пришлось нелегко с таким работоспособным руководителем. Почти все субботы у нас были рабочие, было много командировок на секретные предприятия, где надо было решать вопросы экологической и радиационной безопасности. В 1993 году мы с группой единомышленников создали Центр экологической политики России (ЦЭПР) – профессиональную общественную экологическую организацию для экспертной поддержки экологического движения и разработки рекомендаций для законодательной и исполнительной власти. Алексея Владимировича единогласно избрали своим президентом. ЦЭПР объединил многих ученых и экспертов из различных областей науки и сделал очень много: было издано большое количество монографий, пособий, объемные планы действий и рекомендации для законодательной и исполнительной власти, проведены многочисленные конференции, в том числе в так называемых «горячих экологических точках». Алексей Владимирович стал явным лидером всего экологического движения в стране. На его 80-летнем юбилее в 2013 году говорили, что Яблоков сотоварищи заложили основы экологической политики России, которая, увы, до сих пор так и не востребована. Я, поздравляя его, отметил, что Алексей Владимирович человек на несколько эпох и фундаментальное определение его жизненного пути можно определить, как «самостоянье». Этот термин, утверждают литературоведы, изобрел А.С. Пушкин: «Самостоянье человека – залог величия его...». Иногда А.В. Яблоков крут в суждениях и выводах, но всегда отстаивает свою позицию с анализом происходящего, как и положено ученому. Сам юбиляр сказал, что «оставаться в стороне от политических событий в России не позволяют мне ни гены, ни «приобретенные признаки». Мне повезло, что я знаком с действительно крупным российским экологом, ученым и общественным деятелем, с Алексеем Владимировичем Яблоковым. Будущее России зависит от того, как скоро появятся люди и политики, такие, как Алексей Владимирович, различающие правду и ложь, воровство и честную работу, когда появится уважение к человеку.

Валерий Меньшиков, член Совета ЦЭПР, член Общественного совета госкорпорации «Росатом», действительный член Русского географического общества, академик Российской экологической академии

Любому человеку, не утратившему функцию обоняния, понятно, что это бред. Как бороться с фальшивым ИЗАбражением экологической картинки?

– И Липецк, и Воронеж – большие города. В обоих городах есть экологически более благополучные территории и экологически грязные. Для объективного сравнения надо сравнивать по долям населения проживающего в плохих и хороших условиях. Но и тут есть трудности: в воздух выбрасывается сотни загрязнителей, а официальным мониторингом учитываются только первые десятки. То есть, ИЗА – это очень грубый показатель. Много более объективным показателем экологического состояния территории является уровень экологически обусловленной заболеваемости (онкологической, врожденных пороков развития и т.п.), а также уровень мутаций в хромосомах и число сперматозоидов у молодых мужчин. По уровню заболеваемости злокачественными новообразованиями Липецкая область заметно впереди Воронежской (соответственно 407 и 382 случая заболеваний на 100 тыс. населения в 2012 г.) Но и там, и там – выше среднего по России (367 на 100 тыс.). Чтобы определить точнее, где особенно плохо, надо анализировать данные по административным районам.

– Идея создания эффективно работающей партии «зеленых» похоронена окончательно?

– «Похоронить» идею вряд ли возможно. Но для создания самостоятельной партии нужны средства. До последнего времени таких средств зеленым не удастся найти. Созданный миллиардером Фетисовым «Зеленый альянс» – не партия в истинном смысле, а скорее коммерческий проект с использованием зеленых лозунгов. Периодически возникающая «Российская партия зеленых» – провластный проект для канализации экологического протеста. Основа влиятельных европейских зеленых партий – массовая поддержка экологически озабоченной части населения. Для нашего населения экологическая озабоченность – дело будущего. Мы пока созрели толь-

ко для локальных экологических протестов, например, против вырубки деревьев во дворе или уничтожения соседнего парка. Высшие достижения локальных протестов – выступления против ферро-марганцевого производства в Красноярске, никелевого производства в Черноземье, против мусоросжигания в Москве и Санкт-Петербурге. Но большая часть этих протестующих на выборах голосует либо за правительственную антиэкологическую политику, либо за соглашательство с такой политикой. В условиях информационной блокады объяснить опасность этого нам не удастся.

– Возможны ли общественно-политические механизмы, которые сделали бы публичную поддержку «зеленых» инициатив выгодной для политиков и бизнеса?

– Из сказанного выше должно быть ясно, что в условиях деэкологизации государства и общества говорить о каких-то эффективных механизмах публичной поддержки экологических инициатив – маниловщина и самобман.

– Есть ли в России примеры каких-либо успехов защитников природы за последние годы?

– Как я уже говорил выше, на уровне спасения скверов, парков, открытых берегов – многие десятки примеров по всем регионам, но надо учесть, что на каждый успешный пример приходится многие десятки проигранных экологических драк. Среди немногих остановленных опасных экологических крупных проектов уже упомянутые мной ферромарганцевое производство в пригороде Красноярска, мусоросжигательные заводы в Москве и Питере и, конечно, Байкальская труба. К сожалению, адресов экологических бед много больше, чем адресов экологических побед: олимпийская и постолимпийская экологическая вакханалия на Западном Кавказе, ЦКАД в Московской области, каскад электростанций на Ангаре, нефтеналивной порт в бухте Привозная в Приморском крае, порт Сабетта в Обской губе, завод «Электроцинк» в самом центре Владикавказа. А впереди ма-

ячат еще более страшные планы по перекрытию Амура и добыче нефти в Арктике.

– В советские времена Академия наук определяла основные направления развития государства и была барьером для реализации пагубных для природы проектов, таких, как поворот сибирских рек. Каково сегодня значение и влияние РАН для общества и государства?

– Выбранный Кремлем курс превращения России в сырьевой придаток и «энергетического донора» других стран определил – впервые за последние двести пятьдесят лет – отсутствие потребности государства «в мозгах». Наверное, не меньше полумиллиона активных и талантливых уехало из страны. За рубежом они получают престижные награды и премии, включая Нобелевские, за разработки, которые не нашли поддержки в России. От полной гибели российской фундаментальную науку пока спасает только ее величие и размеры – еще лет 10-15 будут теплиться научные школы мирового класса. Да и не закрыть одним махом сотни научных институтов! Я вижу только один принципиальный выход для спасения науки – смена не только антиэкологической, но и антинаучной власти.

– Можете ли Вы дать прогноз, в каком состоянии будет находиться экосистема России и мира в ближайшие 30-40 лет? Что станет с сибирской тайгой?

– Если «НГ» интересуется этой проблемой всерьез, то это тема отдельного большого разговора. Отвечу коротко: накопление популяционного груза (мутаций и других опасных изменений, вызванных глобальными и вечными загрязнителями, которыми человек напичкал биосферу) через несколько поколений должно привести к глобальной демографической катастрофе. Прогноз численности населения России, сделанный ООН, – 61 миллион россиян к 2100 году – кажется мне чересчур оптимистичным. Но сибирская тайга при этом точно сохранится. Только мир будет менее разнообразным, менее жизнеподдерживающим. Эколо-

гические системы несут жизнеобеспечивающие функции, в том числе поддержание стабильного состава атмосферного воздуха, воды, круговороты веществ – биогеохимические циклы. Эти функции будут нарушены. Образно говоря, сегодня Москва дышит кислородом, который вырабатывают ярославские и костромские леса. Но сейчас эти леса быстро уничтожаются. Так каким же кислородом будет дышать Москва?

– Будет ли Земля в состоянии выдержать постоянно растущую биомассу человечества? Не станет ли XXI столетие веком торжества идей Томаса Мальтуса?

– Начиная с 1960-х гг. биосфера уже трещит по швам из-за нарушения человеком эволюционно сложившихся на Земле круговоротов вещества, потоков энергии и информации. Одна из моих последних публикаций называется «Либо переход к управляемой эволюции биосферы, либо Земля без человека». Но такой переход, теоретически возможный, практически вряд ли осуществим при современном устройстве общества. Нужна какая-то катастрофа, чтобы человечество встряхнулось и пересмотрело свои приоритеты, пока все еще связанные с неолитической парадигмой расширенного использования природных ресурсов. Где-то в 60-годы XX века биомасса человечества (люди плюс одомашненные животные и сельскохозяйственные растения) стала больше, чем естественная биомасса суши. С этого момента Человек обязан

был стать Мастером Природы, взять все под свой контроль, чтобы не оказаться у разбитого корыта. Но сегодня мы и оказались у такого корыта. Хотя попытки управления происходят. Например, на Генеральной ассамблее ООН в Рио-де-Жанейро двадцать лет назад был провозглашен принцип «устойчивого развития». Некий глобальный экологический парафраз библейского принципа и императива Эммануила Канта «не делай другому того, что не хочешь для себя». Замечательно придумано, но этот принцип не удалось за двадцать лет применить ни в одной стране мира. Бизнес – самая напористая часть социума – с энтузиазмом воспринял этот принцип как «устойчивое развитие для бизнеса». Человечеству надо прекратить прекраснорудные мечтания об «устойчивом развитии» и придумать, как поскорее перейти к кризисному управлению биосферой. Элементы этого уже наблюдаются: Китай развернул невиданную по масштабам программу посадки лесов, в Европе площадь лесов тоже стала расти, в реки стала возвращаться исчезнувшая было рыба. Но пока это небольшие кусочки, не складывающиеся в общую картину. И я сомневаюсь, что они сложатся, так как страны находятся на слишком разных уровнях развития. Если бы мы все были на уровне развития Европейского сообщества, то, наверное, можно было бы организовать кризисное управление: эти технологии нужно запретить, эти – поддержать.

– По прогнозу ООН нас, землян, в ближайшем будущем должно стать одиннадцать миллиардов человек.

– Этот прогноз не реализуется, нас не будет 11 миллиардов. Число людей будет лет двадцать еще немного расти за счет развивающихся стран Африки и Азии, но затем этот рост, который, впрочем, уже резко замедлился, остановится и станет отрицательным. Как за счет ослабления жизнеподдерживающих функций биосферы, так и за счет постепенного отравления человечества химическими и радиоактивными отходами своей деятельности. Будет быстро расти генетический груз: люди выживают, но с все большим числом мелких мутаций. Генофонд, как сумма генов популяции, пока выдерживает резко увеличивающийся генетический груз. Но груз мутаций будет все более тяжелым, и он потянет человечество вниз: будет всё больше больных, по сути это уже происходит. Уже началась гонка, что быстрее: ухудшение здоровья (раки, аллергия, невынашивание плода и так далее) или улучшение лечения? Может быть, через 50-70 лет будет так: людей будет меньше, средняя продолжительность их жизни станет больше, и здоровый ребенок будет редким счастьем. Больше восьми миллиардов нас не будет, после восьми начнется сокращение, и на каком уровне оно остановится, зависит от нашего разума.

Никита ВЛАДИМИРОВ